

ПОЛИТИКА И ПРАВО

О. В. Старков, Л. Д. Башкатов

КРИМИНОТЕОЛОГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Политика и право

Леонид Башкатов

Криминология

«Юридический центр»

2004

УДК 343.9
ББК 67.51

Башкатов Л. Д.

Криминотеология / Л. Д. Башкатов — «Юридический центр»,
2004 — (Политика и право)

Первое, после 1909 г., системное и открытое исследование криминальных проблем сферы религии, созданное на стыке криминологии и религиоведения, богословия и теологии, содержащее статистику, исторический и современный анализ уголовно-правовых норм о религиозных преступлениях и исследовательские данные о преступлениях, совершаемых сектантами-сатанистами и язычниками. Рекомендуется в качестве учебно-практического пособия для адъюнктов, аспирантов, студентов, профессорско-преподавательского состава юридических, богословских и других гуманитарных учебных заведений, а также для практических работников органов уголовной юстиции, занимающихся дознанием, предварительным расследованием, оперативно-розыскной работой, прокурорским надзором и рассмотрением в суде дел о религиозных преступлениях.

УДК 343.9
ББК 67.51

© Башкатов Л. Д., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	6
Раздел I	9
Глава 1	9
§ 1. Церковно-государственный дуализм в истории уголовно-правовой борьбы с религиозной преступностью	9
§ 2. Этап государственно-церковного монизма в уголовной политике России	15
§ 3. Советский и постсоветский этап в развитии российского уголовного законодательства об ответственности за религиозные преступления	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Олег Викторович Старков,
Леонид Дмитриевич Башкатов
Криминотеология:
религиозная преступность**

O. V. Starkov, L. D. Bashkatov

Criminotheology religious crime

Edited by Doctor of Law, professor O. V. Starkov

© О. В. Старков, Л. Д. Башкатов, 2004

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004

Введение

Криминология является наукой о криминальных явлениях в разрезе их причинности и профилактики. **Теология** – это учение о вероисповедании, развиваемое в рамках христианства, ислама, иудаизма. **Криминотеология** это *учение о преступлениях, совершаемых в связи с вероисповеданием в какого-либо Бога в религиях мира.*

Актуальность учебно-практического пособия определяется тем, что за последние два десятилетия в России существенным образом изменились государственно-конфессиональные отношения – от самого строгого контроля со стороны государства за регистрацией и деятельностью различных религиозных конфессий до полного беспредела в этой сфере как в области правового регулирования, так и в практической деятельности государственных органов, призванных осуществлять контроль за законностью деятельности разных видов церкви. В частности, Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповедания» в ст. 20 предусматривал упрощенный порядок регистрации новых религиозных объединений. Статья 8 этого Закона гласит: «На территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания». Статья 11 Закона устанавливает вместе с тем: «Государственный контроль за соблюдением законодательства о свободе вероисповеданий в РСФСР осуществляется Советами народных депутатов, а также соответствующими правоохранительными органами согласно установленной им Законом компетенции. Осуществление государственного контроля иными государственными органами, политическими партиями и должностными лицами запрещается». Результатом этого явилось обвальное распространение самых разнообразных религиозных объединений, в том числе и самых опасных – сатанинских, оккультных и пр.

В России исторически мирно сосуществовали такие мировые религии, как христианство, ислам, иудаизм, буддизм. Массовое возникновение разнообразных религиозных конфессий обострило существовавшие и вызвало новые межрелигиозные противоречия и конфликты, которые требуют официального разрешения.

В уголовном законодательстве отсутствуют не только раздел, но и глава, посвященная непосредственно «религиозным преступлениям».

Изучение межрелигиозных, государственно-религиозных противоречий, выяснение механизма, работающего в направлении совершения религиозных преступлений, и принятие соответствующих профилактических мер будет способствовать выявлению, устранению, нейтрализации и компенсации негативных явлений и процессов, функционирующих в духовной сфере общества.

Религиозная преступность, проблемы религиоведения, особенно в последнее время, стали объектом пристального внимания не только ученых – юристов, психологов, социологов, философов, религиоведов, теологов и богословов, но и журналистов, а их глазами – и средств массовой информации. Ежедневно хотя бы в одной теле- или радиопередаче, журнальной или газетной публикации появляется информация, чаще всего искаженная, ненаучная, о религиоведческих проблемах общества. Подобное обстоятельство вовсе не снижает, а, наоборот, повышает актуальность именно научного исследования данного типа преступности. В связи с этим возрастает роль частной криминологической теории – криминотеологии, появление которой связано со спецификой детерминации и особенностями профилактики преступлений в духовной сфере общества.

Актуальность настоящей работы обусловлена также потребностями разработки и реализации законодательства в этой сфере.

Можно выделить несколько направлений исследований, так или иначе затрагивающих объект познания нашей работы: 1) Прежде всего это исследования, посвященные методологическим проблемам криминологии: А. И. Алексеева, Ю. М. Антоняна, М. М. Бабаева, Я. И. Гилинского, К. К. Горяинова, А. И. Гурова, В. И. Гуськова, А. И. Долговой, А. Ф. Зелинского, А. П. Иващенко, В. И. Игнатенко, С. М. Иншакова, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева, И. С. Ноя, А. Р. Ратинова, А. Б. Сахарова, Н. А. Стручкова, В. Д. Филимонова, О. В. Филимонова, Г. Ф. Хохрякова, М. Д. Шаргородского, Д. А. Шестакова, И. В. Шмарова, В. Е. Эминова и др. 2) Криминологические проблемы религии исследованы в работах: Г. П. Байдакова, С. С. Витвицкой, В. Ф. Енгальчева, М. В. Карасева, Г. Л. Касторского, Е. В. Касторской, Л. В. Кондратюка, С. А. Лукьянова, О. В. Старкова, Ю. В. Тихонравова, А. И. Хвыля-Олинтера, А. М. Яковлева и др. 3) Религиозным уголовно-правовым системам, а также уголовно-правовому анализу религиозных преступлений посвящены работы дореволюционных и современных российских, а также зарубежных авторов: Л. С. Белогриц-Котляревского, С. Боронбекова, В. Н. Еремина, А. Э. Жалинского, А. Н. Игнатова, А. Ф. Кистяковского, М. И. Ковалева, Ю. А. Красикова, В. П. Малкова, С. И. Никулина, Лохвицкого, З. А. Незнамовой, В. В. Пилявца, Э. Ф. Побегайло, С. В. Познышева, Ф. М. Решетникова, Н. Н. Семерновой, Н. С. Таганцева, Л. Фридмэна, Е. М. Шевкопляс, Б. В. Яценко и др. 4) Преступность в сфере религии является объектом изучения и богословов: А. Л. Дворкина, Н. В. Кривельской, И. Куликова, А. Кураева (диакона), Соколова (протоиерея Федора), и др. 5) Проблемам криминологии посвящены работы и психиатров: А. Е. Былева, Д. П. Демоновой, Ф. В. Кондратьева, М. В. Овсянникова и др. 6) Следует выделить и работы религиоведов, так или иначе затрагивающих проблемы преступности: И. В. Манацкова, А. А. Радугина, Д. М. Угриновича, Э. Г. Филимонова, А. А. Чернышенко, И. Н. Яблокова и др. 7) Государственно-правовым, историко-правовым и философско-правовым проблемам религиоведения посвящены работы Г. В. Арсеньевой, С. Н. Бокарева, Е. Н. Волкова и др.

Вместе с тем нельзя не отметить, что полученные в разные годы данные не носят характера абсолютной точности и непротиворечивости. Коррективы, вносимые социальными процессами и явлениями, требуют дальнейших научных изысканий в данном направлении.

Объектом исследования в настоящей работе выступают религиозные преступления. **Предметом** являются понятие, виды, показатели религиозных преступлений; история развития уголовно-правового законодательства в России; видовой состав религиозного преступления; причины, условия и профилактика религиозной преступности и преступного поведения.

Генеральной совокупностью являются все религиозные преступления, совершенные в России.

Выборочной совокупностью исследования являются преступления, совершенные членами религиозных сект на территории Рязанской и Московской областей. Место исследования было выбрано в связи с тем, что именно в этих регионах наиболее распространены тоталитарные секты, большей частью сатанинского и неоязыческого направления.

Исследование проводилось в два этапа. Первый этап – проведение разведывательного (поискового) исследования, которое осуществлялось в 1999 г. Основные задачи: уточнение объекта и конкретизация предмета исследования, апробация методов, определение и операционализация основных понятий. Реализация осуществлялась в Рязанской области. В процессе исследования происходила корректировка его направлений. Применявшиеся методы: включенное и открытое наблюдение, анализ документов, контент-анализ, свободное интервью. Основными источниками информации первого этапа являлись: юридическая, психологическая, религиоведческая, теологическая и богословская, социологическая, криминологическая литература и нормативные акты, так или иначе регулирующие сферу духовной жизни общества; совершеннолетние мужчины – члены нелегальных религиозных сект, действовавших и действующих на территории Рязанской области.

Второй этап – аналитическое (основное) исследование. Основные его задачи: проверка основных гипотез исследования, раскрытие внутренних и внешних, социальных и индивидуальных причин и условий религиозных преступлений. Применявшиеся методы: анализ документов, включенное наблюдение, стандартизированное и свободное интервью, 16-факторный опросник Р. Кеттэлла. Основными единицами наблюдения второго этапа являлись: уголовное законодательство России с момента его возникновения и до наших дней; выборочное исследование – совершеннолетние мужчины, члены ряда тоталитарных сект в Рязани и Рязанской области, а также Москве и Московской области (всего исследовано 10 сект). Исследование осуществлялось в 1999–2000 гг. Было опрошено по стандартизированному и свободному интервью, разработанным авторами, и опроснику Р. Кеттэлла 327 членов сект в Рязанской и Московской областях, из них 109, совершивших преступления. Стандартизированное интервью состояло из 25 вопросов, направленных на выявление причин и условий религиозного преступного поведения. Для изучения психических свойств личности был выбран 16-факторный опросник Р. Кеттэлла. Опросник состоит из 187 вопросов. Сектанты предпочли компьютерный вариант. Р. Кеттэлл выделяет 16 первичных и 4 вторичных биполярных фактора, которые характеризуют разнообразные сочетания способностей, темперамента, мотивов и интересов. В целях получения максимально достоверных данных в методике предусматривалось наиболее оптимальное сочетание субъективных и объективных методов.

Авторы выражают признательность кандидату юридических наук Михаилу Вячеславовичу Карасеву, который принимал участие в проведении криминологического исследования по криминотеологии, в корректировке методики исследования по результатам пилотажа, а также в составлении справок по деятельности нелегальных сект, включенных в словарь по криминотеологии.

Раздел I

Уголовно-правовые основы криминологии

Глава 1

Развитие уголовного законодательства об ответственности за религиозные преступления в России

Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель.

Библия. 2 Пет. 2, 1

...В истории мы находим достаточно доказательств тому, что уголовные преследования в данном случае были бессильны в достижении иных результатов кроме истребления.

III. Монтескье

§ 1. Церковно-государственный дуализм в истории уголовно-правовой борьбы с религиозной преступностью

Проблема религиозных преступлений рассматривалась в дореволюционной литературе хотя и в незначительном количестве источников, но практически в каждом из них и с исторических, и со сравнительных позиций, в сопоставлении с действовавшим в то время уголовным законодательством зарубежных стран. Всего насчитывается четыре монографических исследования и несколько статей.¹ Кроме того, эти вопросы анализировались практически во всех учебниках по особенной части уголовного права того времени, а также в учебниках по истории русского права и по церковному праву.²

В основе возникновения понятий «церковное» и «религиозное преступление» лежит византийский Лишанский эдикт 313 г. Константина и Лициния. Россия вместе с православием восприняла из Византии и ее церковно-светское право. Полный свод этого права назывался «Кормчие книги» и в различных списках включал в себя множество разнообразных источников, из которых наиболее значимыми и популярными в России были:

1) «Закон судный людям» 740 г. («Судебник царя Константина» в позднейших названиях);

¹ *Ширяев В. Н.* Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909; *Белогриц-Котляревский Л. С.* Религиозные преступления в важнейших государствах Западной Европы. Ярославль, 1886; *Попов А.* Суд и наказание за преступления против религии и нравственности по русскому праву. Казань, 1909; *Познышев С. В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М.; *Таганцев Н. С.* О религиозных преступлениях // Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества. Т. III. 1881. Заседание XXIX; *Кистяковский А. Ф.* О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. Книга 10; *Спасович В. Д.* Протоколы Санкт-Петербургского юридического общества. Т. III. 1881. Заседание XXVIII; *Сергеевский Н. Д.* К учению о религиозных преступлениях // Журнал Министерства юстиции. 1906. Апр.; и др.

² *Малиновский И.* Лекции по истории русского права. [Б. м] [Б. г]. С. 305–310; *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной церкви. 2-е изд., пераб. и доп. Казань, 1903; *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С. 486–503; *Лохвицкий.* Курс русского уголовного права; *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. 3-е изд., испр. и доп. М., 1912; и др.

- 2) «Прохирон», более известный под названием «Закон Градский» 870–878 гг.
- 3) «Мерило праведное» (сборники нравственных наставлений и юридическое руководство для судей) конца XIII или начала XIV в.;
- 4) Извлечения из новелл Юстиниана («От различных титул, рекше граней Юстиниана царя, новых заповедей, главы по избранию различны»);
- 5) «Леона премудрого и Константина верною царю „главезнах“».

В этих источниках определены санкции и даны понятия «о ереси, совращении, вероотступничестве, нарушении церковного убежища, волшебстве и чародейнии, неисполнении обрядов христианской веры и исполнении языческих обрядов».³ Наиболее популярными и актуальными в стране, только что вышедшей из язычества, были три последних источника. Практически все национальные юридические источники перенимали, заимствовали основные положения, а то и полные тексты из этих Кормчих книг. Поэтому в последующем, при анализе российских национальных юридических источников в первую очередь «разводились» нормы, заимствованные из Кормчих книг, и новые, российские нормы, содержащиеся в этих источниках.

В одном из первых дошедших до нас юридических памятников Древней Руси – Русской Правде (предположительно от середины XI до 30-х годов XII в., примерно 1020–1146 гг.⁴), как в Краткой редакции, включающей 43 статьи, так и в Пространной редакции, состоящей из 121 статьи и 8 дополнительных статей, не содержится ни одной нормы о религиозных преступлениях.⁵ Это объясняется просто.

Во-первых, период времени от крещения Руси, прошедшего не везде одновременно и гладко, и до создания Русской Правды, особенно Краткой ее редакции, невелик.

Во-вторых, религиозные общественные отношения регулировались прежде всего церковным правом.

И, в-третьих, сфера церковно-государственных отношений и религии регулировалась, как уже отмечалось, Кормчими книгами, заимствованными в полном объеме из Византии вместе с православием.

Наиболее близкими по времени к Русской Правде являются древнерусские княжеские уставы. Прежде всего следует выделить Устав св. кн. Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных (начало XI в., предположительно 995–1011 гг.⁶), принятый раньше Русской Правды, в ст. 9 которого устанавливается круг гражданских и уголовных дел, подлежащих юрисдикции церковного суда, определенных князем Владимиром, т. е. властью светской. Вместе с тем эти дела оставались также в ведении и суда княжеского, светского. Существует несколько редакций Устава, например О ленинская (это, можно отметить, редакция более светская) и Синодальная (это уже редакция церковная). Отсюда и несколько отличающийся круг дел. Из примерно 10 преступлений в О ленинской редакции 4 – религиозные, причем указано еще *урекание* – оскорбление бранным словом и клеветой. При этом в Археографическом изводе определено три вида оскорблений (уреканий): бранным словом, обвинением в изготовлении зелий и в еретичестве, т. е. из трех – два урекания религиозные.

В Синодальной редакции содержится 27 составов, из них 13 – религиозные. Так, к ним отнесены: 1) *ведьство* или *ведоство* – колдуны, знахари, ведьмы, т. е. это мнимое знакомство с невидимым миром⁷; 2) *зелейничество* или *зелье* – изготовление лекарств и приворотных зелий; 3) *узлы* – один из видов чародейства, изготовление талисманов путем завязывания особым

³ См.: Ширяев В. Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. С. 224.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 28–45.

⁵ Там же. С. 47–129.

⁶ Там же. С. 137–138.

⁷ Малиновский И. Лекции по истории русского права. С. 305–310.

способом узлов; 4) *волхование* – вызов мертвых, акты спиритизма и другие акты колдовства или лечения, которое было преимущественно церковной прерогативой; 5) *зубоежа* – в разных трактовках может означать вампиризм, т. е. высасывание крови мертвецом у живых или живым у живых, что, скорее всего, могло быть связано с магическим каннибализмом; запрет укусов во время драки; а также *звероядину* – запрет церкви употреблять в пищу зверя, задушенного собакой во время охоты, – иначе говоря, *зубоежа* может быть и религиозным преступлением, и общеуголовным; 6) *потворы* – разновидности колдовства; 7) *чародеяния* – знание особых сил природы и пользование этими знаниями во вред другим⁸; 8) *церковная татьба* – кражи в церквях; 9) *мертвецы сволочат* – ограбление мертвецов, также может трактоваться как осквернение могил, их повреждение, уничтожение и пр.; 10) *крест посекутъ или на стенах режутъ* – повреждение или уничтожение креста как символа веры, церковных стен и вообще священных предметов, почитаемых церковью, или иного церковного имущества либо отрезание частиц от них; 11) *ино, что неподобно церкви подеетъ* – разрешение по усмотрению патриарха подвергать составы, по меньшей мере церковных преступлений, расширительному толкованию и на привлечение к ответственности и наказание иных деяний исключительно по усмотрению патриарха; 12) *кто молиться под овином, или в рощеньи, или у воды* – запрет языческих обрядов, по которым славяне молились языческим идолам у воды (русалке и иным водным божествам); у овина – культ Сварожича (бога огня), когда под овином зажигали огонь для просушки снопов, оберегая снопы от пожара, славяне бросали в огонь необмолоченный сноп ржи как жертву огню; в роще (замоление лешего и других божеств леса); 13) *скот или псы, или поткы без великы нужи введет* – запрет вводить в церковь животных и пр.

Устав кн. Ярослава Мудрого о церковных судах 1051–1054 гг.⁹ развивает идеи Устава св. кн. Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных и не повторяет те составы религиозных преступлений, которые в нем содержатся, но определяет исключительную юрисдикцию митрополита и епископа в отношении отдельных церковных преступлений. В ст. 34–37 Устава кн. Ярослава Мудрого о церковных судах определены следующие составы церковных преступлений: блуд монахов, монахинь, попов или их жен, а также проскурниц; пьянство попов или монахов, причем по церковным обычаям поп, проведенный в пьянстве всю ночь до шести часов утра, не допускался к заутрене и рисковал быть изгнанным из сана; расстрижение монаха или монахини. Кроме того, установлены светские и церковные наказания за вступление в половую связь духовных родственников – кума и кумы, т. е. крестных отца и матери (ст. 12 Устава кн. Ярослава Мудрого); блуд с монахиней как и скотоложство, карался по ст. 18 Устава. В этом Уставе уже были определены санкции за все деяния. Они резко отличались от византийских и соответствовали традиционно русской системе наказаний – имущественных взысканий. Кроме того, предусматривались церковные наказания – епитимья и отлучение от церкви, а в Пространной редакции еще и наказание «на том свете» – заклятье (ст. 56). Помимо этого, в Пространной редакции Устава в качестве одного из оснований для развода указана кража женою из церкви. Определены также запреты священникам нарушать границы своих приходов (уездов), на совместную еду с иноверцами (ст. 49) и с отлученными от церкви (ст. 50), на сожительство с представительницами нехристианских вероисповеданий (ст. 51 Пространной редакции Устава кн. Ярослава Мудрого о церковных судах).¹⁰

Устав о церковных судах и о людях и мерилах торговых великого князя Всеволода 1125–1136 гг. к подсудности церковного суда относит: «потворы и чародеяния», «волхование»,

⁸ Там же.

⁹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. I. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 178, 182, 187–188, 206–208.

«ведьство», «зелейничество», «церковная татьба», «мертвечи свлачают», «крест посекают или на стенах режут», «или кто молится под овином, или в рощении, или у воды».¹¹

Непреренно надо отметить, что религиозная правоприменительная практика церковных и княжеских судов Руси доходила до довольно жестоких расправ с ведьмами и чародеями. Кроме того, народный самосуд не преследовался, а, наоборот, поощрялся. Так, в 1024 г. толпа жестоко избила «лихих баб» в Суздальской земле, причинив им повреждения, опасные для жизни; то же повторилось и в Ростовской земле в 1071 г. В 1227 г. новгородцы сожгли четырех волхвов; в 1411 г. во время «черной смерти» (вероятно, чумы) псковичи сожгли 11 «вещих женок». В 1498 г. пришедшие к великой княжне Софье «бабы с зельем» были утоплены по распоряжению Великого князя. В 1591 г. в Астрахани по указу Государя были сожжены колдуны, обвиненные в порче крымского царевича Мурата Гирея; и многие другие факты, дошедшие до нас.¹²

Анализ законодательства Древней Руси приводит к некоторым выводам. Прежде всего, в указанных нормативных актах, как и в других, им подобных, церковные преступления, преследуемые исключительно церковью и по церковному праву, приравнивались к религиозным преступлениям, наказуемым светскими законами. В период зарождения православия на Руси это вполне объяснимо. Церковь по византийскому примеру была приравнена к государству и объединена с ним, что по византийскому праву означало не что иное, как то, что любые деяния церкви были государственными, как и любые деяния государства освящались церковью. Вместе с тем в отдельных уставах был определен и приоритет церковной юрисдикции над княжеской.

Далее. В уставах сделаны попытки уйти от влияния византийских Кормчих книг. Это проявилось во введении русской системы наказаний – в основном имущественные санкции и отказ от широкого применения телесных наказаний, смертной казни, практиковавшихся в Византии. Кроме того, это отразилось и на отдельных составах религиозных правонарушений – отказ от некоторых византийских составов и введение своих, русских, например, ссыла на воровство жены, в том числе в церкви, как на основание для развода, отсутствует в византийских источниках.

В Уставах содержится только перечисление религиозных деяний, без их раскрытия, определения, в некоторых уставах, более поздних, с указанием санкций. Фактически нет ни квалифицированных, ни привилегированных составов. Отсутствует указание на субъективную сторону, т. е. умысел, неосторожность не различаются, нет мотивов, целей. Предусмотрена возможность аналогии уголовного закона, например в Синодальной редакции Устава св. кн. Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных указано: *«ино, что неподобно церкви поддеетъ»*. Вместе с тем представляется удивительным столь древнее возникновение этих юридических источников, предпринятые значительно раньше, чем у многих других народов, попытки кодификации правовых обычаев. Кроме того, привлекает внимание формулировка норм, иногда очень интересная, например «урекание», преследуемое только в трех видах – «бранным словом, обвинением в изготовлении зелий и в еретичестве», и т. п.

В нормах княжеских уставов проводится церковная политика. Поэтому преследуются прежде всего древнерусские языческие обычаи, в частности *«кто молиться под овином, или в рощении, или у воды»*. Запрещаются различные формы влияния на людей, что церковь видит исключительно своей прерогативой, например «зелейничество», ведь использование для лечения различных трав издревле было принято на Руси, но церковь полагает, что только она может лечить людей, и то большей частью духовно. Преследуются различные виды и разновидности колдовства. Иначе говоря, о религиозной свободе, тем более в период зарождения православия

¹¹ Хрестоматия по истории русского права. Вып. I профессора Владимирского-Буданова. 5-е изд. С. 244.

¹² Подробнее см.: Ширяев В. Н. Указ. соч. С. 227–228.

на Руси, говорить не приходится. Здесь просматривается единственный метод правового регулирования – насильственное введение одной религии повсеместно и у всех племен и народов Руси, церковно-государственный дуализм.

Подобная политика продолжается и дальше, все более совершенствуясь и выходя из-под влияния византийских Кормчих книг.

Судебники 1497 и 1550 г. не были объектом исследования ни дореволюционных, ни современных специалистов в сфере изучения религиозных преступлений. Это не случайно, так как данные нормативные акты являются прежде всего памятниками процессуального права. Кроме того, в них имеются отсылочные нормы к Русской Правде, а также к Псковской и иным судным грамотам. Вместе с тем в них есть и нормы, посвященные религиозным преступлениям. Так, ст. 9 Судебника 1497 г., практически единственная уголовно-правовая норма, определяет наиболее тяжкие преступления и среди них называет одно религиозное – «церковный тать», что историками и юристами толкуется как святотатство, «т. е. деяние, так или иначе нарушающее права и интересы церкви»¹³, но виды «святотатства» не названы ни в Судебнике, ни учеными. По нашему мнению, понятие «церковный тать» означает, как означало и раньше, прежде всего в Уставе св. кн. Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, не святотатство, а всего лишь одно религиозное преступление – кражу в церкви. Об этом свидетельствует и то, что простое воровство здесь не указано, а за все эти тяжкие преступления – убийство государя, крамолу, поджог и др. – определена одна мера наказания – смертная казнь. Нельзя представить, чтобы за все религиозные преступления могла быть предусмотрена только смертная казнь. В княжеских уставах практически за все религиозные преступления были установлены имущественные взыскания. Статья 59 Судебника 1497 г. определяет пределы церковной юрисдикции, т. е. за церковные преступления, а также за преступления, совершаемые священнослужителями. При этом компетенция церковных судов ограничена и по субъектам, т. е. их ведению подлежали дела духовенства и патронируемых церковью людей, и по категориям дел – дела о наиболее тяжких преступлениях – душегубстве, разбое с поличным и даже о краже, совершенных священнослужителями, подлежали рассмотрению в государственных судебных органах.

Судебник 1550 г. во многом повторяет Судебник 1497 г., но он представляется более развернутым и совершенным. Так, ст. 61 Судебника 1550 г. дополняет перечень тяжких преступлений, но из религиозных по-прежнему называет одно – «церковный тать». Статья 91 еще более ограничивает церковную юрисдикцию, запрещая торговым людям жить в монастырях и устанавливая их подсудность светским судам. Примечательно еще и то, что в Судебниках 1497 и 1550 г. впервые и довольно широко вводится тюремное заключение.

Знаменательнейшим событием своего времени стало принятие после московского восстания 1648 г. Соборного уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича. Данное Соборное уложение, как отмечают исследователи, отличается не только от всех предшествующих нормативных актов, но и от последующих.

Во-первых, оно знаменовало собой значительный отрыв от влияния византийского законодательства, хотя и сохранило в себе некоторые аспекты его воздействия. Особенно это отразилось в построении системы религиозных преступлений и санкций за них.

Во-вторых, оно стало первым печатным памятником русского права и выгодно отличалось по многим параметрам от современных ему источников зарубежного права, прежде всего по объему (из русских источников может сравниться только со Стоглавом) и по уровню юридической техники.

¹³ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54–62, 69, 70.

В-третьих, Соборное уложение представляет собой действительно *уложение* различных отраслей права в единый свод законов, который можно представить и как некую систематизацию серии различных кодексов, правда, не вполне еще совершенную, но с разбивкой нормативного материала на главы, а глав – на статьи; несколько глав, расположенных иногда в разных местах Уложения, можно объединить между собой в кодекс, уголовный, процессуальный, гражданский и т. п.

В-четвертых, оно значительно отличается по стилю, семантике, т. е. по языковым признакам, как от предшествующих нормативных актов, изобилующих архаизмами, так и от последующих, в которых с легкой руки Петра I преобладают иностранные заимствования, по смыслу далекие от оригинала. Соборное уложение и сейчас читается легко и доступно для понимания.

Приступим к анализу религиозных преступлений. Правовое регулирование религиозной сферы и здесь значительно отличается от предшествующих нормативных актов.

1. Впервые выделена самостоятельная глава, где объединены почти все религиозные преступления: «Глава I. А в ней 9 статей о богохулниках и о церковных мятежниках». Будучи первой, эта глава не так совершенна, как последующие, – первый блин комом. Кроме того, не все нормы о религиозных преступлениях вошли в эту главу, хотя почти все. И, наконец, во всяком религиозном государстве охрана государственной религии выходит на первый план, государственным преступлениям в Уложении посвящены все следующие главы.

2. Все религиозные преступления можно разделить на четыре типа:

а) богохуление, т. е. поношение Бога и святых словесно или действиями: «будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на рождышую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохулника обличив, казнити, зжечь» (ст. 1 главы 1);

б) церковный мятеж – нарушение общественного порядка в церкви, урегулированного церковными правилами, выражающееся в прерывании церковной литургии и других обрядов (также иногда трактуется как нарушение церковного мира и права церковного убежища): «а будет какой бесчинник пришед в церковь божию во время святыя литургии, и каким ни буди обычаем, божественныя литургии совершити не даст, и его изымав и сыскав про его допряма, что он так учинит, казнити смертию безо всякия пощады» (ст. 2, 3 главы 1) или «никому ни о каких своих делах не бити челом, чтобы от того в церкви божию церковному пению смятения не было, понеже церковь божия устроена приходити на молитву» (ст. 8, 9 главы 1);

в) церковный мятеж – нарушение общественного порядка в церкви, урегулированного церковными правилами, путем лишения жизни, избияния, оскорбления: «а будет кто, пришед в церковь божию, учнет бити кого ни буди, и убьет кого досмерти и того убойца по сыску самого казнити смертию же» (ст. 4 главы 1), или «а будет ранит, а не досмерти убьет» (ст. 5 главы 1), или «а будет такой бесчинник кого ни буди в церкви божию ударит, а не ранит» (ст. 6 главы 1), или «а будет кого обесчестит словом, а не ударит» (ст. 7 главы 1). Это воспроизведение положений Кормчих книг. Но существует мнение, что текст заимствован из Библии (ст. 4 главы 1);

г) соращение и вероотступничество, т. е. обращение из христианской веры в нехристианскую: «а будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнити, зжечь огнем безо всякого милосердия» (ст. 24 главы 22). Здесь наблюдается фактически заимствование из глав 31 и 32 Прохирона Кормчих книг. Причем в Прохироне две нормы: «обрезание хозяином-евреем своего раба» (гл. 31 tit. XXIX Прохирона) и «воздействие на религиозные убеждения соращаемого христианина со стороны еврея», без упоминания об обрезании. По Соборному уложе-

нию 1649 г. сам вероотступник в качестве потерпевшего не был подсуден суду государственному, а только церковному. Добровольное вероотступничество в уголовно-правовом порядке не преследовалось.¹⁴

Все последующие царские указы в течение двух столетий вплоть до принятия Уложения о наказаниях 1845 г. в основном были посвящены борьбе с ересями – прежде всего стригольниками, жидовствующими¹⁵, раскольниками, старообрядцами, но также и с другими сектами. Они так или иначе развивали византийское Постановление Эклоги в зачале 6, ст. 35, где, в частности, говорилось «манихеане и монтане, мечем да посекаемы бывают».¹⁶ Следует назвать указы 1684, 1716, 1718, 1722, 1728, 1734, 1756, 1762, 1764, 1803 г.¹⁷

§ 2. Этап государственно-церковного монизма в уголовной политике России

Этот ряд церковно-государственного дуализма пресекает законодательная деятельность Петра I. Именно он ввел государственный стиль воздействия на религиозную преступность, положив начало этапу государственно-церковного монизма, просуществовавшего с рядом изменений вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и принятия Конституции РСФСР 1918 г. и УК РСФСР 1922 г. Только уголовно-правовых указов Петра I ученые насчитывают 392.¹⁸ Вместе с тем дореволюционные исследователи уделяли мало внимания анализу преступлений против веры. Из указов представляет наибольший интерес Артикул воинский 1715 г. Религиозным преступлениям посвящено две главы и 17 Артикулов. Это, как и в Соборном уложении 1649 г. глава 1 «о страхе божии», а также глава 2 «о службе божии и о священниках». Можно выделить четыре типа религиозных преступлений:

1. Чародейство – «все идолопоклонство, чародейство (чернокнижество) накрепчайше запрещается, и таким образом, что некоторое из оных отнюдь ни в лагере и нигде инде не будет допущено и терпимо. И ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей: оный по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть». К этой статье дано толкование, причем сделанное самим Петром I: «наказание сожжения есть обыкновенная казнь чернокнижцам, ежели оный своим чародейством вред кому учинил, или действительно с диаволом обязательство имеет». Иначе говоря, впервые устанавливается материальный состав религиозного преступления. Данное обстоятельство весьма важно, особенно применительно к религиозным преступлениям, ведь обвинить в чернокнижестве, тем самым отправив человека на костер, несложно. А вот наличие реального вреда – показатель существенный, и формулировка нормы близка к совершенству и к современной теории уголовного права.

Артикул 2 определял ответственность подстрекателя и заказчика: «Кто чародея подкупит, или к тому склонит, чтоб он кому другому вред учинил, оный равно так как чародей сам наказан будет». Здесь уже выделены виды соучастников преступления.

2. В артикулах 3–8 детально регламентировано богохульство, причем примерно также, как и в Соборном уложении 1649 г. Но, во-первых, здесь выделены виды вины, в частности умысел – «нарочно», неосторожность – «легкомыслие» (артикулы 6, 8); во-вторых, повтор-

¹⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 76–77, 85–86, 250; Ширяев В. Н. Указ. соч. С. 228–240.

¹⁵ Ширяев В. Н. Указ. соч. С. 230.

¹⁶ Кормчая. Л. 73, оборот.

¹⁷ Более подробный анализ см.: Ширяев В. Н. Указ. соч. С. 240–273.

¹⁸ См.: Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

ность или рецидив – «а учинится то единожды или дважды» (артикулы 6, 15); в-третьих, недоносительство – «ежели кто слышит такое хуление, и в принадлежащем месте благовременно извету не подаст» (артикул 5); в-четвертых, кроме уголовных наказаний здесь предусмотрены и церковные – «церковное публичное покаяние» (артикулы 6, 8), и воинские – «гонянием шпицрутен наказан» (артикул 6), «в присутствии регименту мушкеты, пики или карабины носить» (артикул 7), «на каждый день по одному часу ружье носить» (артикул 8), а из уголовных – смертная казнь в разных видах – «и потом отсечена голова да будет» (артикул 3), «живота лишен быть» (артикул 5), «аркибузирован (розстрелен)» (артикул 6), а также многообразные телесные наказания – «тогда ему язык роскаленным железом прожжен» (артикул 3), «телесным наказанием отсечения сустава наказан» (артикул 4). И все это в одной норме о богохульстве.

3. Церковный мятеж (понятие из Соборного уложения 1649 г., в Воинских артикулах не используется общее название), т. е. нарушение общественного порядка, урегулированного церковными правилами, выражающееся в прерывании, воспрепятствовании, отклонении от церковных обрядов (артикулы 10–13, 16–17) – это и неприсутствие на молитве, и явка на молитву в пьяном виде (артикулы 10, 11, 12), и выражение каким-либо образом неуважения к священнослужителю (артикул 13), и банкет, торговля во время молитвы (артикулы 16, 17).

4. Преступная деятельность священнослужителей (артикулы 14, 15), которая выражается в: «а есть ли который из священников обрящется в своей науке, животе и поступках нечестив и беззаконен, и другим жизнью своею соблазн чинит» (артикул 14), «когда священник без знатной причины... службу божию отправлять не будет», «а ежели оный во время службы божиа пьян будет» (артикул 15). Эти нормы восприняты из ст. 34–37 Устава кн. Ярослава Мудрого о церковных судах: блуд монахов, монахинь, попов или их жен, а также проскурниц; пьянство попов или монахов, причем артикул 14 сформулирован более удачно, не казуистичен, но, с другой стороны, не содержит ни законодательного определения, ни толкования, и поэтому на практике мог применяться или более широко, чем мыслил законодатель, или, наоборот, ограничено.

В Воинских артикулах нет таких составов, как церковная татьба; осквернение могил, их повреждение, уничтожение и пр.; повреждение или уничтожение священных предметов, почитаемых церковью, или иного церковного имущества и др., предусмотренных в Синодальной редакции Устава св. кн. Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, в Судебниках 1497 и 1550 г. и в других источниках.

Кроме того, состояние опьянения не влияет на наказание, хотя то и дело фигурирует в нормах (артикулы 3, 8, 11, 15).

Положения Воинских артикулов о преступлениях против веры дополняют Соборное уложение 1649 г. и относятся в большей мере к воинским людям или к отправлению богослужения в войсках.

Нормы Воинских артикулов определяют преимущественную подсудность священников духовному суду, но требуют применения тех наказаний, которые предусмотрены в артикулах, т. е. вмешиваются в церковное право.¹⁹

Кроме того, здесь четко прослеживается отделение церковных дел от светских, что проявляется в подчинении церкви государству, в служении церкви делу государеву, а не наоборот, как было до Петра I. В подкрепление этого положения можно привести факт упразднения Петром I патриархата. Таким образом, оформился новый стиль уголовно-правовой охраны религиозной сферы, который можно назвать этапом государственно-церковного монизма (гр. *monos* – один), что означает безусловное верховенство государства над церковью. Церковь при этом является государственным институтом и реализует государственную политику. Этот период

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 314–331, 366.

продолжался с введения Воинских артикулов Петра I в 1715 г. и до принятия Конституции РСФСР 1918 г. и УК РСФСР 1922 г.

Вот такие общие и частные выводы можно сделать из анализа уголовно-правовой законодательной деятельности Петра I относительно религиозных преступлений.

Следующий этап уголовно-правового регулирования религиозной сферы со стороны государства – это Свод законов (изд. 1832 г.), где в разделе II, книге I, томе XV «О преступлениях против веры» в шести главах систематизирован весь материал:

1. Богохуление (так названо богохульство) и порицание веры (глава 1) понималось в первой части как и в Соборном уложении 1649 г. Причем различие идет по непосредственному объекту посягательства. В качестве такового названы сначала «Господ Бог и Спас наш Иисус Христос», затем «родшая его Пречистая Владычица наша Богородица и Присно Дева Мария», далее «Честный крест» и «Святые угодники» (ст. 182) – все так же, как и в Соборном уложении 1649 г. Порицание веры (ст. 183) заключается в Хуле имени Божия, поношении службы Божией и церкви православной, ругательств Святого Писания и Святых Таинств. Уголовная ответственность и наказание одинаковы – лишение всех прав состояния, наказание кнутом, ссылка в каторжную работу и публичное церковное покаяние.

2. Отступление и отвлечение от веры (глава 2): а) отвлечение от православия в иную христианскую веру (ст. 186); б) отвлечение от православия в нехристианскую веру (ст. 189); в) отвлечение от христианства в нехристианскую веру (ст. 190); г) отвлечение подданного иноверца в какое-либо христианское исповедание (ст. 188).

3. Ересь – это случай индивидуального отклонения от догматов православия (ст. 279) и раскол – уклонение массовое, сопровождаемое созданием нового религиозного общества. Есть и квалифицированная ересь – «соединенная с жестоким изуверством и фанатичным на жизнь свою или других покушениями» (ст. 280). Ответственность установлена «за распространение своей ереси и привлечение к оной других», а также «в соблазнах, убийстве и дерзостях против церкви и духовенства православной веры».

4. Подложное проявление чудес, лжепредсказания, колдовство и чародейство (глава 4), которое проявляется во лжи (ст. 201), обмане (ст. 202) и клевете (ст. 203). Данное преступление трактуется как «эксплуатация религиозного чувства».²⁰

5. Нарушение благочиния в церквях (глава 5), в Соборном уложении 1649 г. названное «церковным мятежом», под которым понимается, однако, более широкий круг деяний: появление в церкви в пьяном виде, разговоры в церкви, хождение по церкви, учинение шума. Выделены и квалифицированные деяния – обращение к духовным особам с непристойными речами (ст. 205) и еще более тяжкое квалифицирующее обстоятельство – «недопущение совершить литургию». Кроме того, деяние по нарушению благочиния может заключаться в преступлениях самих священнослужителей: а) если во время священнослужения священник, дьякон или причетник бьет кого бы то ни было рукою или каким-либо орудием (ст. 208); б) если он же «до бесчувствия забывшись дерзнул бы приступить в нетрезвости к совершению Божественной Литургии» (ст. 209). Данное посягательство исключительно на православную религию, в ее внешних проявлениях – совершении религиозного культа.

6. Святотатство, разрытие могил, ограбление мертвых тел (глава 6). Этих составов нет в Воинских артикулах, нет и в Соборном уложении 1649 г., как уже отмечалось, они предусмотрены в Синодальной редакции Устава св. кн. Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, а в Судебниках 1497 и 1550 г. фигурирует только «церковный тать».

Проведем анализ системы этих норм и сделаем некоторые выводы, которые следует учесть в современной уголовно-правовой законодательной практике:

²⁰ См.: Ширяев В. Н. Указ. соч. С. 282.

1) богохульство и порицание веры; отступление и отвлечение от веры; ересь и раскол следует считать чисто церковными преступлениями, но никак не религиозными, и эти составы не должны фигурировать в современном уголовном кодексе;

2) подложное проявление чудес, лжепредсказания, колдовство и чародейство имеют уголовно-правовой смысл исключительно в трактовке Воинских артикулов Петра I (придав им, естественно, современное значение), а именно – если они влекут за собой причинение вреда здоровью или жизни человека;

3) нарушение благочиния в церквях – церковное преступление, которое становится религиозным, когда сопровождается нарушением общественного порядка, насилием над гражданами и церковным имуществом (его разрушением, порчей т. п.²¹);

4) осквернение могил не может считаться чисто религиозным преступлением, а становится таковым, если связано с реализацией религиозной мотивации, сопряжено с осуществлением религиозного ритуала;

5) хищение из церкви священных предметов, вообще церковного имущества любого вероисповедания, причиняет значительные духовные страдания множеству верующих людей, а поэтому этот признак следует ввести в качестве квалифицирующего в ч. 3 ст. 158–160, ч. 2 ст. 161–163, ч. 1 ст. 164, ч. 3 ст. 165, ч. 2 ст. 167 и 168 УК РФ. Подобное деяние является умышленным, причиняющим особый вред религиозной свободе, невозместимый ущерб, а если эти предметы и возвращаются церкви в результате действий органов уголовной юстиции, то они считаются *оскверненными* для данной религии, а потому все виды хищений священных предметов должны признаваться тяжким преступлением.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. представляет собой значительный памятник уголовного законодательства, прежде всего с точки зрения регулирования религиозной сферы. Следует учесть, что в Уложении мы впервые находим столь большую общую часть, где урегулированы вопросы стадий преступления, причем впервые выделено обнаружение умысла (ст. 8, 9, 117), виды умысла – деяние предумышленное и совершенное по внезапному побуждению (ст. 5, 6, 111, 113), виды неосторожности (ст. 114–116), виды соучастников преступления (ст. 14–16, 123–134) и многие другие уголовно-правовые проблемы, нашедшие свое отражение и в главах о религиозных преступлениях.

Уголовно-правовое регулирование религиозной сферы имеет в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных несколько общих особенностей:

1) целый раздел посвящен религиозным преступлениям, причем он расценивается как наиважнейший, ибо следует сразу же за общей частью, и объясняется это, вероятно, политической и экономической ситуацией в России того времени, бывшей государством религиозным, преимущественно православным;

2) многочисленность статей (81), частей статей, глав (5), которые в большинстве своем еще и разбиты на отделения, при этом такого обилия статей не было ни в предшествующих, ни в последующих уголовно-правовых нормативных актах;

3) многие нормы указывают на наказания не только уголовные и исправительные, но и церковные (отправление к духовному начальству – ст. 191, церковное покаяние), а также телесные (наказание плетью чрез палачей – ч. 2 ст. 190 и др., розгами, наложением клейм – ст. 190, 195, 197 и т. д.) и типично гражданско-правовые, а не просто имущественные (например, назначение опеки над имениями с запретом проживания там – ст. 196, устранение от опеки – ст. 198 и др.). При этом, несмотря на подробнейшую детализацию видов и мер наказания, порядка их назначения, замены, в ст. 18–95 Уложения, посвященных наказанию, о гражданско-правовых мерах не упоминается.

²¹ См.: Старков О. В. Основы криминологии. Уфа, 1997. С. 153.

В Уложении выделено пять типов религиозных преступлений, названных в разделе втором «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений»:

1. Глава первая «О богохулении и порицании веры» содержит восемь статей, которые условно можно разделить на несколько подвидов:

а) хула на «славимого в единосущной троице бога, или на пречистую владычицу нашу богородицу и присно-деву Марию, или на честный крест господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображения». При этом данная норма содержится в пяти статьях и указаны пять привилегированных составов: если основной состав предусматривает совершение данного деяния в особом месте – церкви, то привилегированные – в публичном месте; при свидетелях; по неразумию, невежеству или пьянству; в печатных или письменных сочинениях; а также доноительство;

б) порицание христианской веры или православной церкви, или ругань над священным писанием и святыми таинствами, которое содержит те же, что и богохульство, привилегированные составы;

в) кощунство – язвительные насмешки над обрядами христианскими – также содержит один привилегированный состав – по неразумию, невежеству или пьянству;

г) выделяние, продажа или распространение писаных, гравированных, резных или отлитых в соблазнительном виде икон также имеет один привилегированный состав – по неразумию или невежеству.

Проведем анализ и сделаем некоторые предварительные выводы по первому виду религиозных преступлений:

– в восьми статьях в казуистическом плане описывается богохульство, или кощунство, которое в настоящее время может быть наказуемо, если сопровождается насилием над гражданами, уничтожением или повреждением церковного имущества, представляет собой грубое, публичное нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу или к какой-либо его религиозной части, совершается умышленно, т. е. представляет собой хулиганство, квалифицируемое по ст. 213 УК РФ. Можно ставить вопрос и о внесении изменений в квалифицированный состав хулиганства – в ч. 2 ст. 213 УК РФ: если оно сопровождается г) насилием над гражданами в церкви или священнослужителями любого легального вероисповедания, а также д) уничтожением или повреждением церковного имущества.

– нормы сконструированы таким образом, что сначала дается основной состав, а затем исключительно привилегированные, нет ни одного квалифицированного состава.

– распространение богохульства и кощунства в средствах массовой информации было менее всего наказуемым, а более всего – открытая хула в церкви. Это и понятно, так как в то время не было телевидения, радио, газеты и журналы были доступны очень незначительному кругу образованных граждан, которых смутить хулой было весьма затруднительно. А вот присутствующих в церкви людей в основном неграмотных или малограмотных, обратить в иную веру было проще, тем более, что церковь посещалась большей частью населения регулярно.

2. Глава вторая «Об отступлении от веры и постановлений церкви» содержит три отделения, или вида преступлений, и 33 статьи (кстати, в результате многочисленных изменений к 1866 г. статей стало значительно меньше – 26, и изменилась их нумерация²²):

а) первый вид – «об отвлечении и отступлении от веры» – имеет два подвида, или два основных состава преступления, все остальные составы сложные – или квалифицированные, или привилегированные:

²² См.: Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866 г. СПб., 1866. С. 46–52; сравните: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 214–221.

– отвлечение от веры означает перевод (в терминах, употребляемых дореволюционными юристами, «совращение») одного человека другим или другими людьми в иную веру путем принуждения и насилия, угроз, обольщения, подговоров, вступления в брак, воспитания детей, использования в услужении, проповедей, сочинений или их распространения, воспрепятствования добровольного присоединения к православию, невоспрепятствования отступлению от веры, допущения священнослужителями других вероисповеданий к исповеди, причащению или елеосвящению, а детей к крещению или миропомазанию и другими разнообразными способами, приведенными в Уложении. Этому посвящена 31 статья;

– отступление от веры – это переход в другую веру, осуществляемый человеком самостоятельно без какого-либо постороннего влияния или под воздействием других людей либо священнослужителей. Этому посвящено 2 статьи;

б) второй вид – «о ересьх и расколах» – также состоит из двух подвидов:

– ереси и расколы – частные разновидности отвлечения и отступления от церкви, прежде всего православной или любой другой христианской, указанной в Уложении, но более никакой другой,

– напомним, что ересь определялась в Своде законов (в редакции 1832 г.) как случай индивидуального отклонения от догматов православия (ст. 279), а раскол – как уклонение массовое, сопровождаемое созданием нового религиозного общества. В Уложении 1845 г. ересь понимается как проповедование, или отвлечение иным путем, иной, нехристианской, во всяком случае неправославной, веры в массовом масштабе, а раскол – как публичная пропаганда своего вероучения и иные формы массового отвлечения (ст. 206–217 Уложения) от христианской, прежде всего православной, веры,

– 12 статей, формулирующих составы ересей и расколов, направлены прежде всего на борьбу с различного вида сектами, причем, не любыми, а только «повреждающими веру» (ст. 206), причем, ересь должна быть соединена «с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или же с противонаравственными гнусными действиями» (ст. 212);

в) третий вид – «об уклонении от исполнения постановлений церкви» – не столь многочислен (5 статей) и карается большей частью церковными наказаниями. Данный состав заключается не в полном, а лишь в частичном отступлении от веры. Проведем анализ и сделаем некоторые выводы:

– Бросается в глаза явно неравноправный подход к отвлечению от веры, как по составам преступлений, так и по наказаниям: во-первых, из веры православной в христианскую другого исповедания, «евангелическо-лютеранского», «реформатского» (ст. 195, 196, 197–199, 201, 202, 203 Уложения), во-вторых, из веры христианской, в том числе православной, в «веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую» (ст. 190, 192–194); в-третьих, православных в «еретическую секту, или раскольнический толк» (ст. 197).

– Этот вид религиозных преступлений один из самых многочисленных и является исключительно церковным по современным представлениям.

– То, что это преступление церковное, подтверждается и позицией законодателя того времени – в этой главе определено несколько чисто церковных наказаний, например, ст. 191 Уложения предусматривает для отступивших от христианского в иное нехристианское вероисповедание отправление к духовному начальству прежнего их исповедания для увещания и вразумления, имение их берется в опеку, а ст. 196 – поступление с ними по правилам церковным и др.

– Криминализация подобного типа деяний характерна исключительно для религиозных государств, где церковь является институтом государства, и направлена на охрану государственной религии.

3. Глава третья «Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния» («церковный мятеж» в Соборном уложении 1649 г., содержит три отделения, или вида, и 18 статей (в результате многочисленных изменений к 1866 г. статей стало вдвое меньше – 9, изменилась их нумерация и исчезли три отделения²³):

а) первый вид – «об оскорблении святыни и духовных лиц во время священнослужения» – имеет два подвида, или два основных состава преступления, все остальные составы сложные – или квалифицированные, или привилегированные:

– нарушение порядка в церкви путем «ругани над священными предметами» (ст. 223), «непристойными словами или действиями» (ст. 226), «истребления или повреждения поставленных на публичных местах крестов, или изображений спасителя, богородицы и святых угодников, или ангелов» (ст. 230) имеет три привилегированных состава, предусмотрено в четырех статьях;

– посягательство на священнослужителя путем убийства (ст. 225), нанесения побоев (ст. 224), увечья или ран (ч. 2 ст. 225), оскорбления (ст. 227) имеет четыре привилегированных состава, предусмотрено в пяти статьях;

б) второй вид – «о нарушении благочиния во время священнослужения в церквях» – имеет два подвида, или два основных состава преступления, все остальные составы квалифицированные:

– нарушение порядка, предусмотренного церковными правилами, в церквях, со стороны граждан путем появления там в пьяном виде «и виде развращенном, или же неприлично громким криком, хохотом или иным шумом и вообще неблаговидными поступками» (ст. 231), занятия места, предназначенного для священнодействия или императорской фамилии (ст. 233, 234), подачи просьбы «кому-либо из духовных или светских сановников» (ст. 235) или выраженное в том, что лицо силою ворвется в церковь, когда входить туда запрещено (ст. 236), имеет один квалифицированный состав и предусмотрено в пяти статьях;

– нарушение порядка, предусмотренного церковными правилами, в церквях, со стороны «священно и церковнослужителей, как белого так и монашествующего духовенства» имеет один квалифицированный состав, когда совершается путем «бить кого-либо рукою или оружием» (ст. 232);

в) третий вид – «о нарушении благочиния во время священнослужения вне церкви» – имеет один основной состав преступления, четыре квалифицированных и один привилегированный и заключается в нарушении порядка, предусмотренного церковными правилами, вне церкви путем крика, «открытых игрищ, музыки, пляски, конских скачек, пения песен на улицах или иными общенародными забавами и увеселениями» (ст. 237), открытия торговой лавки или питейного дома (ст. 238), остановки на месте крестного хода (ст. 239) или (если виновный) «сделает что-либо неприличное» (ст. 240) в воскресный или торжественный день, в табельный или храмовый праздник, прежде окончания литургии в приходской церкви или во время крестного хода, или освящения воды или другого публичного молебствия.

Сделаем анализ этой главы:

Во-первых, даже убийство священнослужителя (ст. 225), не говоря уже о других насильственных действиях (ст. 224, ч. 2 и 3 ст. 225 и др.), карается также или менее строго, чем оскорбление в виде ругани или иных действий над священными предметами, что представляется явно несправедливым и никак не вяжется с современным правосознанием. Конечно, такое возможно только в феодальном государстве, где церковь служит основным оплотом и защитой именно феодальной духовности.

²³ См.: Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866 г. С. 53–55; сравни: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. 1988. С. 221–226.

Во-вторых, священнослужитель за подобные деяния подвергается церковному наказанию, т. е. религиозное преступление здесь, в этом разделе, приравнивается к церковному – об этом свидетельствует еще и то, что за эти деяния виновный христианин подвергается и церковному наказанию – церковному покаянию и др. (см., например, ст. 217 Уложения в редакции 1866 г. и др.).

4. Глава четвертая «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел» не содержит отделений, состоит из 17 статей (к 1866 г. количество статей осталось прежним, но изменилась их нумерация²⁴), но содержит два состава преступления:

а) первый вид – святотатство – можно разделить на два подвида, которые имеют огромное количество, больше, чем какое-либо другое преступление, сложных составов – или квалифицированных, или привилегированных (27):

– святотатство, совершаемое гражданами, имеет наибольшее количество квалифицированных и привилегированных составов (26) и заключается во «всяком похищении церковных вещей и денег, как из самих церквей, так и из часовен, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ, хотя бы они находились и вне церковного строения» (ст. 241). Это единственная глава, которая содержит определение преступления и указание на общие квалифицирующие признаки – «важность преступления святотатства и наказания за оное увеличиваются, когда оно соединено с оскорблением святыни, с насильственными действиями, или со взломом», несмотря на то, что в последующем они подробнейшим образом расписаны в иных сложных составах. Кроме того, здесь содержится норма-примечание, что можно считать еще одним шагом вперед с точки зрения законодательной техники. В этой норме указано, что духовное начальство исключительно христианских вероисповеданий определяет, «какие из предметов принадлежащих церквам их исповедания должны... быть признаваемы священными, или же токмо освященными чрез употребление при богослужении».

– святотатство, совершаемое священнослужителями и другими лицами, которым было поручено хранение похищенных священных или иных предметов. Эта норма сформулирована в качестве отсылочной и как таковая содержит 17 квалифицированных и привилегированных составов, причем наказание определено на одну ступень выше (ст. 250);

б) второй вид – надругательство над могилой, не будучи так прямо назван, предполагает ответственность за «разрытие могил для ограбления тел или для поругания над погребенными» (ст. 256), «для каких-либо суеверных действий» (ч. 2 ст. 256), «за истребление или повреждение надгробных памятников и за наружное повреждение могил» (ст. 257), «за похищение надгробного памятника или наружных оного украшений» (ч. 3 ст. 257). Этот сложный состав имеет пять квалифицированных и привилегированных.

Необходим анализ этой главы, из которого следует:

– В данной главе есть несколько интересных с точки зрения законодательной техники новшеств по сравнению с предшествующими нормативными актами уголовно-правового характера – определение преступления, нормы-примечания (их две).

– Поразительная многостатейность и вариативность, также как и в других главах, множество квалифицированных и привилегированных составов.

– Вместе с тем именно эти две нормы предусматривают действительно религиозные преступления, а не только церковные и имеют право на существование и в современных уголовных кодексах.

– Столь подробное описание надругательства над могилой может быть полезным и для современной правоприменительной практики, так как нет ни соответствующих законодатель-

²⁴ См.: Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866 г. С. 55–60; сравни: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 226–231.

ных разъяснений и примечаний в УК РФ 1996 г., ни разъясняющих постановлений Пленума Верховного Суда России. Конечно, они нуждаются в определенной современной корректировке.

Глава пятая «О лжеприсяге» не содержит отделений, состоит из 5 статей (редакции 1865 и 1866 г. изменили количество статей – их стало всего 4, изменилась их нумерация²⁵), содержит один состав преступления.

Анализ этой главы: 1) лжеприсяга как пятый вид религиозных преступлений строже всего наказывается, если она соединена с обвинением в преступлении. Подобный подход справедлив и имеет право на существование и в современных условиях (заведомо ложный донос); 2) данный состав преступления должен быть отнесен к преступлениям против правосудия. Вместе с тем, если в суде присяга будет даваться на Библии, Коране или иной священной для лица, дающего показания книге, то данное преступление можно считать религиозным.

Теперь можно сделать общие выводы относительно раздела второго Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Но прежде всего следует добавить, что в 1864 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, фактически кодекс уголовных проступков. Это было значительным шагом вперед, который не был сделан до сих пор ни в РСФСР, СССР, ни в современной России. Недостатком Устава было то, что он лишь в общем виде был согласован с действовавшим в то время Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, причем только в новых редакциях, в частности 1865 и 1866 г. Итак, сделаем общие выводы, используя некоторые данные анализа, осуществленного дореволюционными юристами:

а) по числу статей Уложение раза в четыре превосходило любой из современных ему зарубежных кодексов, в том числе и по религиозным преступлениям²⁶;

б) наблюдается непоследовательность в применяемой юридической терминологии, велеречивость и многоречивость при формулировании составов религиозных преступлений;

в) сложность, противоречивость, затрудняющие практическое использование «лестницы» наказаний, широкое применение исключительно церковных наказаний;

г) резкое стеснение свободы судов при определении меры наказания, связанное с узкими его границами, т. е. максимально-минимальными пределами²⁷;

д) из пяти глав о религиозных преступлениях две – о богохулении и порицании веры, а также об отступлении от веры и постановлений церкви – исключительно церковные и им не место в УК;

е) в трех остальных главах также встречаются церковные преступления, а одна из пяти – о лжеприсяге – относится по большому счету к преступлениям против правосудия;

ж) некоторые положения главы об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния могут и сейчас быть использованы при конструировании квалифицированного состава хулиганства;

з) отдельные моменты в главе о святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел также могут быть использованы: одни – как квалифицирующие признаки, например, преступлений против собственности зарегистрированной церкви, так как подобное преступление посягает не только на церковное имущество, но и на духовные чувства верующих; а другие – как отдельные составы преступлений, например надругательство над могилой.

²⁵ См.: Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866 г. С. 60; сравни: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. С. 231–232.

²⁶ Для сравнения см.: *Белогриц-Котляревский Л. С.* Религиозные преступления в важнейших государствах Западной Европы. Ярославль, 1886; *Познышев С. В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906; *Таганцев Н. С.* О религиозных преступлениях // Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества. Т. III. 1881. Заседание XXIX.

²⁷ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 221 и др.

Перечисленные особенности Уложения, отмена крепостного права в России в 1861 г., развивающиеся в теории уголовного права и криминологии антропологическое и социологическое направления, противоречия между двумя уголовными кодексами и процессуальными нормативными актами, ограничение применения телесных наказаний по Указу от 17 апреля 1863 г., сокращение сроков содержания в исправительных учреждениях,²⁸ а также то обстоятельство, что «наряду с догматической разработкой права началось изучение мира преступлений, его факторов и деятелей, мер борьбы с ним», «к этому времени уже были подготовлены, утверждены и введены в действие итальянский и невшательский уголовные кодексы, подготовлены знаменитые проекты общешвейцарского и норвежского уголовных кодексов»²⁹ – все это привело к необходимости создания нового уголовного закона, и уже к концу XIX в. появился первый вариант проекта Уголовного уложения, который был утвержден 22 марта 1903 г. Приступим к анализу главы о религиозных преступлениях названного Уложения.

Прежде всего, все религиозные преступления были размещены в одной главе и составили 26 статей, что в 3,1 раза меньше, чем было, а по подсчетам В. В. Пржевальского – в 3,5 раза меньше по числу букв.³⁰ Кроме того, ученым отмечается значительный технико-юридический прогресс, в частности хорошо разработанная терминология. Тем не менее он пишет о проекте: «... ничтожен, к сожалению, социальный прогресс, вносимый им в правосознание и жизнь народа...», «... проект беден идеями и лишь в очень немногом сумел возвыситься над обычной рутинной уложений... С научной точки зрения русское Уложение – явление заурядное».³¹

Рассмотрим виды религиозных преступлений и их составы.

Первый вид – богохуление – бывший одним из самых многочисленных по числу статей, стал одностатейным, но сложным составом (ст. 73, ч. 1, п. 1, 2, 3 и ч. 2). Причем один состав квалифицированный, – богохуление строже всего наказуемо, если совершается при отправлении общественного богослужения или в церкви, и три привилегированных – совершаемое публично, в том числе в средствах массовой информации и «с целью произвести соблазн между присутствовавшими». Его формулировка не изменилась в принципе. Богохуление в средствах массовой информации осталось также менее наказуемым, чем совершенное в церкви, как и по Уложению о наказаниях 1845 г.

Второй вид можно обозначить как кощунство, которое заключается в поругании действием или в поношении установлений или обрядов церкви, а также освященных предметов (ст. 74). Кощунство, как и богохульство, имело один состав квалифицированный, три привилегированных. Формулировки его такие же.

Третий вид – бесчинство или воспрепятствование церковному богослужению (ст. 75) – имело три квалифицированных состава: если «прервалось богослужение или если такое бесчинство учинено толпою» (ч. 2 ст. 75); «с целью помешать отправлению богослужения» (ч. 3 ст. 75); «если же вследствие бесчинства с целью помешать отправлению богослужения прервалось богослужение или если такое бесчинство учинено толпою» (ч. 4 ст. 75).

Все эти три вида составов религиозных преступлений имеют две разновидности: первая – деяния, направленные против христианской церкви, и вторая – совершенные против «признанного в России нехристианского вероисповедания» (ст. 76, 77), сформулированные проще и наказуемые менее строго.

Богохульство и кощунство – чисто церковные преступления, и лишь бесчинство или воспрепятствование церковному богослужению имеет право на существование в современном законодательстве, как уже отмечалось, в качестве квалифицированного хулиганства.

²⁸ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 242.

²⁹ Пржевальский В. В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб., 1897. С. 1.

³⁰ Там же. С. 97–98.

³¹ Там же. С. 99–104.

Четвертый вид, который может быть назван надругательством над умершим, имеет две разновидности: погребение христианина без христианского обряда (кстати, такого состава не было в Уложении о наказаниях), а также похищение или поругание действием умершего, имевшее один квалифицированный состав – совершение «над умершим оскорбляющее нравственность действие» и один привилегированный – «по суеверию, неразумию, невежеству или в состоянии опьянения». Представляется, что формулировка этого состава менее совершенна, чем в Уложении о наказаниях 1845 г., которая была ближе к практике, хотя и являлась более многостатейной.

Пятый вид – отвлечение и отступление от церкви, названное прямо в Уложении совращением (кстати, статьи, также как и в Уложении о наказаниях, не имеют названия) – самый многочисленный состав, распространенный в 16 статьях (ст. 80–95). Для состава совращения необходимо: а) наличие активного участия, имеющего характер подстрекательства путем нравственного воздействия, обольщения, обещания выгод и т. п.; б) действительное отпадение совращаемого от церкви, а не просто прекращение посещения церкви, исповедания, посещение иноверных молитвенных домов; в) причинная связь между отпадением от церкви и воздействием совратителя; г) умышленность с намерением лица вызвать отпадение. Этот состав, также как и богохульство и кощунство, исключительно церковный, более того, больше всех других закрепляющий неравноправие религий и, соответственно, людей, их исповедующих. Но если отвлечение от того или иного вероисповедания осуществляется путем насилия или реальной угрозы, он может быть наказуем как общеуголовный, а не религиозный.

Шестой вид, который фактически является пятым, следует отделить от отвлечения и отступления от веры потому, что он очень близок к современному составу «организации объединения, посягающего на личность и права граждан» (ст. 239 УК РФ 1996 г.) и интересно сформулирован: «Виновный в принадлежности к расколоучению или секте, соединенным с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями, наказывается: ссылкой на поселение в особо предназначенные для таких осужденных местности. Сему же наказанию подлежит виновный в оскотлении самого себя по заблуждению фанатизма». Имеет значение указание на изуверские действия и на их явную безнравственность, а также интересно наказание, которое предусмотрено исключительно для этого состава преступления и требует дискуссионного обсуждения.

Седьмой вид – это преступления против священнослужителей, в частности предусмотренные ст. 97 и 98 как «самовольно присвоивший себе сан священнослужителя христианского вероисповедания, виновный в учинении священнодействия, которое может быть совершаемо только священнослужителем сего вероисповедания», а также оскорбление православного священнослужителя или насилие над его личностью. При этом указаны специальные субъекты данного преступления – лицо нехристианского вероисповедания, инославного христианского вероисповедания, раскольник или сектант. Но, кроме того, в ч. 2 ст. 80 сформулирован более общий состав, предусматривающий защиту священнослужителей любого признанного или легального вероисповедания: «если сие принуждение или воспрепятствование учинено по отношению к священнослужителю христианского вероисповедания или духовному лицу нехристианского вероисповедания». Кроме того, к религиозным следует отнести и преступления, предусмотренные в иных главах, в частности, в Уложении о наказаниях в ст. 212 и в Уголовном уложении в п. 2 ст. 455 в главе, посвященной преступлениям против жизни, выделено в качестве квалифицированного убийства лишение жизни священнослужителя, если а) убит священнослужитель или вообще духовное лицо одного из христианских вероисповеданий, признанных в России; б) если убийство совершено во время совершения службы Божией или исполнения треб; в) с умыслом (всех его оттенков).³² Думается, что насилие и оскорб-

³² Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части

ление священнослужителей любого вероисповедания, зарегистрированного в России, должно быть самостоятельным составом преступления в современном УК РФ, поскольку данное преступление не только посягает на личность, но и глубоко оскорбляет чувства верующих, при условии, если оно совершено в связи с исполнением вероисповедных обязанностей, а также относительно священнослужителя признанного в России, т. е. легального, зарегистрированного вероисповедания.

С. В. Познышев, анализируя Уголовное уложение 1903 г., делает вывод, что законодательство «нуждается не в частичных исправлениях, а в глубокой, коренной реформе, в перестройке на новых основаниях. Эта реформа должна заключаться в проведении указанных общих принципов, главным образом, в уничтожении той полицейской опеки над религиозною жизнью народа, которая существует в настоящее время, в распространении уголовной охраны на те вероисповедания, которые теперь ее лишены, в уравнивании уголовной охраны всех вероисповеданий, в отмене большинства действующих постановлений о религиозных преступлениях и в существенных изменениях остальных».³³ Не отрицая справедливости этих слов, сделаем некоторые общие выводы из анализа главы второй «О нарушении ограждающих веру постановлений» Уголовного уложения 1903 г.:

а) можно выделить семь основных составов религиозных преступлений, которые, в свою очередь, делятся на виды и являются квалифицированными или/и привилегированными;

б) практически все религиозные преступления могут быть совершаемы только активными деяниями – действиями, а отнюдь не бездействием; являются умышленными;

в) привилегированными составы преступлений чаще всего определяются, если они совершаются «по суеверию, неразумию, невежеству или в состоянии опьянения» (см., например, ч. 3 ст. 79, ч. 2 ст. 76, ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 73, и др.);

г) способ совершения религиозного преступления указан в большинстве случаев как «посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод или обмана» (см., например, ч. 1 ст. 82, ч. 1 ст. 83, ч. 1 ст. 84, ч. 1 ст. 86, и др.);

д) квалифицированными составы религиозных преступлений чаще всего становятся, если совершаются «посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ч. 1 ст. 80, ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 83, ч. 2 ст. 84, ч. 4 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ст. 87, ст. 95, ч. 1 и 2 ст. 98); или как «оскорбляющие нравственность действия» (см., например, ч. 2 ст. 79, ч. 3 ст. 84, и др.) «при отправлении общественного богослужения или в церкви» (п. 1 ч. 1 ст. 73, п. 1 ч. 2 ст. 74, ч. 1 ст. 75);

е) четко прослеживается дифференцированное отношение законодателя в зависимости от типа вероисповедания – преимущественная охрана обеспечивается православному вероисповеданию (ст. 89, 90, 93, 94, 95, 98), на втором месте по степени охраны находится «инославное христианское вероисповедание» (ст. 73, 74, 75, 78, 81, 82, 86, 88, 97), на третьем месте – «признанное в России нехристианское вероисповедание» (ст. 76, 77), и наоборот, преследовалось «расколуечение или секта», особенно «скопчество» (ст. 84, 85, 98). По этому поводу С. В. Познышев писал: «Всего более охраняет оно христианскую православную веру восточного исповедания... Другие вероисповедания разделяются на терпимые и нетерпимые. К терпимым, кроме католического, лютеранского, армяно-грегорианского и нек. др., относятся, между прочим, старообрядчество и неистовые секты, а также разные нехристианские исповедания: исповедание караимов, еврейское, магометанское, ламаитов и язычников. К нетерпимым принадлежат разные изуверные учения, то есть такие, принадлежность к коим соединена с пося-

старого и нового уложений. 3-е изд., испр. и доп.

³³ Там же. С. 465.

гательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями»³⁴;

ж) несомненным прогрессом явилось введение, впервые в истории России, нескольких уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану религиозной свободы граждан: п. 1 ст. 80 – «виновный в принуждении посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы к совершению богослужения или обряда, воспрепятствованных или недозволенных правилами вероисповедания, к коему принадлежит принуждаемый, или участию в таком богослужении или обряде», п. 2 этой же статьи – «виновный в воспрепятствовании посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы совершению богослужения или обряда, установленных правилами признанного в России вероисповедания, к коему принадлежит принуждаемый, или участию в таком богослужении или обряде», а также ч. 2 этой же статьи, как уже указывалось, «если сие принуждение или воспрепятствование учинено по отношению к священнослужителю христианского вероисповедания или духовному лицу нехристианского вероисповедания»; кроме того, ст. 87 гласит: «Виновный в том, что посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы совратил из одного вероисповедания в другое, если не подлежит наказанию по статьям 82–84». Формулировки этих норм, подходы к их конструированию, выделение в качестве квалифицированного состава посягательства на священнослужителей могут быть использованы в современной законодательной деятельности.

§ 3. Советский и постсоветский этап в развитии российского уголовного законодательства об ответственности за религиозные преступления

Следующий этап – советский – начался с принятием 23 января 1918 г. Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»,³⁵ положения которого нашли свое отражение в Конституции РСФСР 1918 г., Конституциях СССР 1924 г. и 1936 г., где была провозглашена свобода совести как неотъемлемая свобода каждого гражданина РСФСР и СССР на выбор вероисповедания или неисповедание никакой религии. Обычно свободе совести была посвящена одна статья конституции, и по содержанию они повторялись, с небольшими нюансами. В частности, ст. 124 Конституции СССР 1936 г. гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Эти положения декрета и конституций нашли свое последовательное отражение в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. УК РСФСР 1960 г. с точки зрения уголовно-правового регулирования религиозной сферы довольно существенно отличается от вышеуказанных, поэтому будет подвергнут анализу отдельно, хотя в Конституции СССР 1977 г. соответствующая норма по существу тоже не изменилась и ст. 52 гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа – от церкви». Это дало основание некоторым уже современным исследователям сделать вывод о том, что в РСФСР и в СССР в законодательстве последовательно осуществлялся принцип свободы совести, хотя на практике этот принцип последовательно нарушался.³⁶ Мы полагаем, что в этот период времени в РСФСР и СССР, во всяком случае применительно к

³⁴ Там же. С. 449–450.

³⁵ СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

³⁶ См., напр.: *Бокарев С. Н.* Государственно-церковные отношения в России (Философско-правовой аспект): Автореф. дис... канд. философ, наук. М., 1999.

уголовной политике и уголовному законодательству, был реализован принцип, стиль, метод *воинствующего государственного атеизма*, который нашел свое отражение и в положениях конституций, где право вести атеистическую, антирелигиозную пропаганду особо выделялось.

Итак, как в УК РСФСР 1922 г. (глава III), так и в УК РСФСР 1926 г. (глава IV) была выделена отдельная глава, посвященная религиозным преступлениям, носившая и там и там название «Нарушение правил об отделении церкви от государства». В УК РСФСР 1922 г. в этой главе содержалось семь статей, в УК РСФСР 1926 г. – шесть.³⁷ Причем эти нормы фактически дословно повторяются, кроме ст. 119 УК РСФСР 1922 г. – использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям, со ссылкой на наказание, предусмотренное ст. 69, – пропаганда и агитация. Эта норма логически перешла в печально известную ст. 58 УК РСФСР 1926 г., п. 10 «Контрреволюционная агитация и пропаганда», образовав ее ч. 2 (ст. 58¹⁰). И здесь наблюдается преемственность и по форме, и по содержанию. Единственное, что их отличает – это то, что данное преступление к 1926 г. стало квалифицированным составом, было приравнено по степени опасности к вооруженному восстанию и поэтому влекло более тяжкое наказание – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. Вместе с тем и по УК РСФСР 1922 г. квалифицированные виды этого преступления влекли такое же тяжкое наказание.³⁸ Обязательным признаком субъективной стороны преступления являлась цель – «свержение рабоче-крестьянской власти» или, по УК РСФСР 1926 г., «контрреволюционный умысел».³⁹

В ст. 121 УК РСФСР 1922 г. установлена уголовная ответственность за «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах», а в ст. 122 УК РСФСР 1926 г. к этому тексту добавлено лишь «или с нарушением установленных для этого правил». Причем в УК РСФСР 1926 г. данная норма стала первой в соответствующей главе, а в УК РСФСР 1922 г. была только третьей. Это означает, что к 1926 г. этой норме было придано политическое значение и она переместилась на первое место, а та, что была на первом в 1922 г., переместилась в первую главу «Преступления государственные», первый раздел которого назывался «Контрреволюционные преступления». Объективную сторону образует деяние – «преподавание религиозных вероучений». При этом не было установлено уголовной ответственности за антирелигиозную или атеистическую пропаганду, только потому, что она поощрялась государством. Не играло роли, какое религиозное вероучение преподается – православное или иное христианское, ислам, иудаизм и пр. Вид, формы, методы, характер преподавания также не имели значения. Здесь было закреплено равенство всех религий, т. е. свобода совести, – ни одной не отдавалось предпочтения. Фактически лишь одна «религия» – атеизм, т. е. неверие ни в какого Бога или Богов, была провозглашена единственно верной, и это всячески, хотя и исподволь, подчеркивалось. Во всяком случае, преподавание атеизма не только не преследовалось в уголовно-правовом порядке, но, наоборот, официально требовалось и осуществлялось в различных курсах, в частности в «обществоведении», «обществознании», «истории СССР и России» и др. При этом, если преподавание религиозных вероучений использовалось для возбуждения и разжигания религиоз-

³⁷ Уголовный кодекс РСФСР. Петроград: Издание 4-е официальное Орготдела Петрогубисполкома, 1924. С. 53–55; Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская/ Под ред. И. Т. Голякова. М., 1946. С. 167–169.

³⁸ См.: УК РСФСР. Комментарий. А. Трайнин и др. / Под ред. И. Т. Голякова. М., 1946. С. 67, 73–74.

³⁹ См. УК РСФСР. Петроград: Издание 4-е официальное... С. 53–55; УК РСФСР. Комментарий. А. Трайнин и др. С. 167–169.

ной вражды или розни, то такое преподавание образовывало состав преступления, предусмотренного ст. 59⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.